

П.А. Кротов

КРЕСТЬЯНЕ-МОРЕХОДЫ РУССКОГО СЕВЕРА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ – МАТРОСЫ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ПЕТРА I

Профессор А.Л. Шапиро вошел в отечественную историографию не только как маститый исследователь крестьянства, но и как видный историк Российского флота XVIII – начала XIX в. На основе защищенной им в 1951 г. докторской диссертации «Кампании русского флота на Средиземном море в 1805–1807 гг. и адмирал Д.Н. Сенявин» им была подготовлена и опубликована в 1958 г. монография¹. Когда автор настоящей статьи был студентом исторического факультета Ленинградского государственного университета, А.Л. Шапиро одобрил его обращение к изучению истории Военно-Морского Флота России в годы правления Петра Великого и дал ценные советы. Данная статья, подготовленная для сборника в память выдающегося ученого, посвящена именно сюжету, находящемуся на стыке истории крестьянства и Российского флота.

Становление России как военно-морской державы на Балтике произошло в начале XVIII в. Согласно принятой в конце 1707 г. программе корабельный состав флота намечалось довести до 27 линейных кораблей с вооружением от 50 до 80 орудий на каждом, до 6 32-пушечных фрегатов и до 6 18-пушечных шняв². Усиление флота на Балтике справедливо мыслилось русским правительством как верный путь к скорейшему завершению Северной войны, о чем Петр I писал в июле 1713 г. подканцлеру П.П. Шафирову: «Мир недалек видится... флот наш, слава Богу, множитца: уже ныне тринадцать линейных от 50 пушек и выше имеем, а еще ждем доволного числа (кораблей. – П.К.) к себе».³ Оценивая сложившееся военно-политическое положение, Петр I писал 1 января 1714 г. дипломатам Б.И. Куракину в Голландию и П.И. Ягужинскому в Данию: «Ныне вся швецкая сила во обороне флоту их состоит».⁴

Быстрые темпы пополнения Балтийского флота кораблями требовали столь же ускоренного наращивания численности личного состава. Проблема укомплектования флота обученными кадрами нижних чинов особенно обострилась в 1713–1715 гг., когда были достигнуты решающие успехи в исполнении программы усиления флота конца 1707 г.

На освоение обычными рекрутами навыков морского дела требовалось немало времени. Видимо, именно это обстоятельство привело Петра I к мысли пополнить матросский состав флота рекрутами из поморов, имевших опыт морских и речных походов. Царь был не понаслышке знаком с богатой мореходной культурой жителей Русского Севера. Он надолго приезжал в Архангельск в 1693, 1694 и 1702 гг., совершал походы по Белому морю.

Уклад хозяйственной жизни Севера России и Западной Сибири в большой степени был связан с морскими и речными промыслами. По опирающимся на обширный документальный материал расчетам видного исследователя русского арктического мореплавания М.И. Белова, во второй половине XVII в. ежегодно не менее 250 людей, кочей и морских карбасов выходили в северные моря из региона Беломорья; к ним надо прибавить

морские суда беломорской же Мезени, Печоры, а также до 65 морских судов-кочей (из них около 20 государственных и 45 частных), выходивших в Северный Ледовитый океан из рек Сибири⁵. На морских кочах помещалось до 50 человек, из которых моряков бывало обычно от 6 до 12⁶.

Изучение письменных, иконографических материалов и обнаруженных на городище крупнейшего сибирского порта XVI–XVII вв. Мангазеи (покинута населением в 1672 г.) всех основных частей коча поморско-сибирского типа, проведенное под руководством М.И. Белова, позволило получить характеристики этого типа судов. Так, построенный в 1695 г. для плаваний к Новой Земле крестьянами-поморами села Волокопинежского братями Кулаковыми «промышленный коч» был достаточно большим мореходным судном. Длина его по килю равнялась 21,6 м, наибольшая ширина – 6,5 м. Носовая часть корпуса коча имела высоту до 5,5 м, кормовая была ниже – около 5 м. Средняя часть борта не превышала 3,5 м. Как показали расчеты, при наибольшей возможной нагрузке в 40 т коч имел осадку 1,5–1,75 м, т.е. он представлял собой низкосидящее судно с высокой носовой и кормовой частями. Кочи в XVII в. могли иметь либо одну, либо две мачты; у них была сложная система управления парусами с помощью протянутых от носа, кормы и бортов канатов и веревок – «возжей» (шкоты), «дрог» (фалы), «ног» (ванты); мощный руль, необходимый для плавания в суровых арктических широтах, и т.д. Этот русский тип судов превосходил в скорости английские и голландские купеческие суда, был приспособлен к плаваниям в сложной ледовой обстановке и имел другие черты, свидетельствующие о высоком уровне русского северного мореходства XVII–XVIII вв.⁷

Немалых навыков мореходства, наряду с кочами – судами для дальних морских плаваний к Груманту (русское название Шпицбергена), Новой Земле и в более далекие места, требовали малые карбасы, предназначавшиеся для прибрежных промысловых походов. В XVIII в. на них, как правило, ставили две мачты. Они были настолько удобными судами для плаваний невдалеке от берегов, что поморы продолжали строить их до середины XX в.⁸

Первые наборы поморов во флот связаны с укомплектованием рядовым составом команд для построенных для Балтийского флота на Соломбальской верфи вблизи Архангельска фрегатов. Есть все основания полагать, что именно из поморов-рекрутов и солдат полков, составлявших гарнизон Архангельска, также набранных из местных жителей, были сформированы для похода на Балтику вокруг Скандинавии команды 32-пушечных фрегатов «Св. Петр» и «Св. Павел», которые были спущены на воды Северной Двины в 1710 г., и 26-пушечного фрегата «Св. Илья», построенного на Соломбальской же верфи в 1702–1703 гг. Осенью 1710 г. «Св. Илья» и «Св. Петр» прибыли к Копенгагену, а в 1711 г. к ним присоединился «Св. Павел». Относительно последнего фрегата доподлинно известно, что в мае 1711 г., когда он находился вблизи Копенгагена, среди нижних чинов его команды были 154 солдата из гарнизона Архангельска и 61 рекрут-помор⁹.

Наборы жителей Поморья во флот продолжились в 1713 г. Архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов сообщал царю, что на три 52-пушечных корабля, которые предстоит спустить на воду на Соломбальской верфи в 1713 г., матросов нет. В ответ 28 апреля 1713 г. Петр I написал с корабля «Полтава», стоявшего у Кроншлота, следующее: «Того для к 40 человекам, которые к вам уже отправлены... еще у города Архангельского... взять в матрозы с кочей, также с людей, морянок и корелок, выбрав добрых и молодых, на корабль по 200 человек».¹⁰ Таким образом, всего тогда следовало набрать у Архангельска в матросы 600 поморов. Позднее архангелогородский губернатор князь

П.А. Голицын отчитывался в Сенат, что по названному указу царя на флот были призваны 554 помора-рекрута.¹¹

Накануне выхода в море в 1713 г. сооруженные на Соломбале линейные корабли «Архангел Гавриил», «Архангел Михаил» и «Архангел Рафаил» имели: первый из 299 членов команды – 134 помора-рекрута и 50 солдат Архангелогородского гарнизона; второй из 281 – соответственно 133 и 49; третий из 282 – 133 и 50¹². Для доукомплектования корабельных команд были привлечены также 43 русских матроса (23 – из Воронежа, 11 архангелогородских и 9 – из Петербурга)¹³.

На «Архангел Рафаил», остановившийся на зимовку 1713–1714 гг. у Колы, с целью пополнения экипажа там были взяты еще 59 кольских поморов: 35 солдат и 24 матроса.¹⁴ Я.С. Барш, служивший в 1713–1714 гг. флотским поручиком именно на «Архангеле Рафаиле», отметил в своих записках, что в ноябре 1713 г. взятые в матросы «тутошние жители» помогли офицерам опознать берег острова Кильдин и завести корабль в Кольский залив на зимовку.¹⁵ Согласно списку личного состава «Архангела Рафаила», во время его зимовки у Колы из 288 человек команды (от командира до матроса) архангелогородских матросов наличествовало 116, недорослей-матросов из Колы 24, архангелогородских солдат 46 и кольских 35¹⁶, т.е. поморов насчитывалось 221 человек – 77 % команды; матросов же из иноземцев было 36 человек – 13 % экипажа; остальные – офицеры и вспомогательный персонал¹⁷.

В конце 1713 г. Петр I решил использовать опытных поморских мореходцев не только для укомплектования матросами кораблей, строившихся на Соломбальской верфи, но и для пополнения ими команд кораблей, уже имевшихся на Балтике. 3 декабря 1713 г. царь подписал в Петербурге указ капитан-поручику флота Н.А. Сенявину (Синявину): «Ехать ему к городу Архангельскому и, приехав, как там у Города, так в Колском и в Сумском острогах и в других местах, где есть лутчие работники, которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на качах, морянках и протчих судах, набрать в матрозы чetyреста человек, и чтоб во оных не было старых и увечных, а имянно, чтоб не были более как до тритцати лет...»¹⁸

Новый указ царя о наборе поморов во флот, адресованный капитан-поручику гвардии А.И. Румянцеву, последовал 9 октября 1714 г.: «Ехать ему к городу Архангельскому и, приехав, как там у Города, так и в Сумском остроге, и на Мезени, и в других местах, где есть лутчие работники, которые ходят на море за рыбными и звериными промыслами на качах, марянках и протчих судах, набрать в матрозы 500 человек, и чтоб оные были не стары и не увечны, а имянно, чтоб не были более как по 30 лет».¹⁹

Набор Н.А. Сенявина, согласно поименным росписям поморов-рекрутов, дал флоту 326 человек (276 – из Двинского и 50 – из Мезенского уездов)²⁰, А.И. Румянцева – 396²¹. Приход рекрутских партий из Архангелогородской губернии в Петербургское адмиралтейство в 1714–1715 гг. зафиксирован в документах.²²

В Балтийский флот направлялось из Поморья пополнение, действительно уже опытное в управлении судами на море. По именному списку рекрутов, присланных из Мезенского уезда в январе 1714 г. (набор Н.А. Сенявина), 19 человек из 50 (возраст от 15 до 30 лет, в среднем 24 года) совершали дальние морские промысловые походы. Их имена сопровождаются такой характеристикой: «На море бывал в промыслу на Груманте и в Новой земли на кочах». Остальным поморам-мезенцам (возраст от 17 до 30 лет, в среднем 22 года) доводилось участвовать в более ближних плаваниях. О каждом из них сказано: «На море бывал на торасу Моржевском острову в малых карбасах»,²³ т.е. они ходи-

ли на промыслы к острову Моржевец у выхода из Мезенского залива Белого моря (водный путь от города Мезени до острова Моржевец равняется приблизительно 125 км).

В 1715 г. пополнение поморами матросского состава Балтийского флота продолжилось. По указу Петра I на четыре вновь построенные на Соломбальской верфи 52-пушечных корабля и яхту «Транспорт-Роял», предназначавшиеся для отправления в том году на Балтику, следовало набрать в Архангелогородской губернии 1600 рекрутов и еще 400 взять из гарнизона Архангельска.²⁴ Во время выхода из Архангельска в море в 1715 г. на «Архангеле Варахаиле» имелось 468 чел., «Архангеле Селафаиле» – 456, «Архангеле Урииле» – 467 и на «Архангеле Ягудииле» – 293 чел. (всего 1684)²⁵; на яхте «Транспорт-Роял», по данным конца 1713 г., служили 1 поручик и 25 русских матросов²⁶. Оставшиеся после укомплектования матросами вышедших в путь на Балтику кораблей рекруты-поморы были отправлены во флот в Петербург по суше.

Подробно отбор поморов на отправлявшуюся из Архангельска военно-морскую эскадру описан очевидцем, тогда поручиком флота Я.С. Баршем: «За недостатком же морских служителей на караблях выбираны были из имеющихся тамошних дву полков... лутчие люди, поставя в шеренги; перво я на командорской карабль, а потом по старшинству и на другие карабли выбирали. Таким же маниром чинили и ис приведенных рекрут со всей губерни[и] трех тысяч пятисот человек. С купецких же русских судов в матрозы всех лутчих людей, отбирая, брали»²⁷. В другом месте своих записок Я.С. Барш восклицал: «Люди же у нас на караблях, генерално можно сказать, что хороши, понеже все выборные...»²⁸

Итак, население Поморья дало военно-морскому флоту в 1710–1715 гг. большое число матросов – приблизительно 3500 человек. Чтобы оценить значение рекрутских наборов во флот в Поморье, достаточно подчеркнуть, что во всем корабельном Балтийском флоте в октябре 1715 г. имелось всего 6220 нижних чинов (4557 матросов, 1031 пушкар, 632 солдата)²⁹.

О судьбах взятых в Петровский флот поморов можно найти в документах той эпохи лишь скудные сведения. Весной 1723 г. матрос-помор с линейного корабля «Перл», стоявшего в Ревеле, рассказал о себе следующее: «Зовут... Иван Родионов сын Чистяков, крестьянский сын государевой волости Никлы города Архангельского. В службе с 709-го году. Из салдат в матрозах седмой год, написан в Питербурхе из гварнизонного Архангелогороцкого полку. Служил на разных караблях, а ныне обретаецца на карабле “Перле” и со оного определен во Адмиралтейство х конопатной работе. Артикул Его Величества знает, а читать сам не умеет»³⁰.

Проведение в 1713–1715 гг. специальных рекрутских наборов во флот по всему Поморью, а не только в пределах Двинского уезда, как и в предшествующие годы, означало отступление от ранее проводимой правительством политики, имевшей целью не оскудить эти северные пограничные территории населением. В письме губернатора князя П.А. Голицына главе Посольского приказа Г.И. Головкину от 10 марта 1709 г. говорилось, что в отличие от Двинского уезда, где в 1705–1708 гг. были осуществлены три рекрутских набора, в «рекруты... из других поморских городов, с Колы, и с Пустоозера, и с уезду брать не велено, и в три наборы с Москвы из Помеснаго приказу присылались грамоты, чтоб с них не брать»³¹.

Большие рекрутские наборы во флот в Поморье в 1713–1715 гг. могли подрывать хозяйство и обороноспособность Севера России. Правящие верхи понимали значение северной морской границы страны. В указе от 22 июля 1715 г. из Канцелярии Сената, к примеру, сказано: «Архангелогородской гварнизон, и Колской, и Пустозерской остроги –

города пограничные и близ моря, и из многих государств корабельной ход свободной, и от прихода неприятельских людей... не без опасения, понеже... в прешедших годах уже и было: незапно шведы приходили» (в 1701 г. — П.К.)³². Однако Петр I пошел на проведение рекрутских наборов во флот в Поморье, так как срочное пополнение флота матросами, уже освоившими навыки мореплавания, представляло в те годы не менее важную государственную задачу.

Особые наборы в матросы людей, знакомых с практикой судоходства и мореплавания, были осуществлены по указам Петра I и в Западной Сибири. 15 октября 1715 г. царь поручил капитану князю Долгорукову взять «в Сибири, а именно: в Тобольске, в Томске, в Таре, в Сургуте — рекрут в матросы 1000 человек летами от 15 до 20, таких, которые живут близ рек и озер и которые больше бывали за рыбную ловлю; также, буде есть такие, которые хаживали для звериного морского промысла на Студеном море...»³³. В перечне канониров (пушкарей) 2-й статьи Балтийского флота от 4 ноября 1722 г. удалось отыскать скудные сведения о шести сибиряках из этого рекрутского набора. Эти характеристики простых моряков Петровской эпохи, рядовых создателей морского могущества страны, позволяют отойти от обобщенных данных статистики и разглядеть отдельных людей: «Михайла Федоров сын Черкасов. Города Тарской (Тары. — П.К.) казачей сын. Взят в канониры в 716-м году»; «Никита Иванов сын Бакланов. Города Тюмени ис посацких людей Матвеевой слободы. В 716-м взят в матрозы. Того ж году определен из матрозов в канониры»; «Осип Петров сын Чеченин. Города Тюмени ис посацких людей села Малыкова. В 716-м году взят в матрозы. Того ж году определен в канониры»; «Гарасим Иванов сын Карандашев. Города Тобольска Самарского яму из ямщицких детей. Взят в канониры в 716-м году»; «Алексей Никонов сын Кривошеин. Тюменского уезду дворцовой волости деревни Переваловой ис крестьянских детей. Взят в канониры 716-м году»; «Иван Иванов сын Чекеев. Города Тобольска из рейтарских детей. Взят в канониры в 716-м году».³⁴

Сходное содержание с предыдущим имеет указ царя, изданный спустя ровно два года, 15 октября 1717 г.: взять «в Сибири, а именно: в Тобольску, Тюмене, в Таре, в Сургуте — рекрут в матрозы 1000 человек летами от 15 до 20 лет, таких, которые живут близ рек и озер и которые больше бывали за рыбную ловлю; также, буде есть такие, которые хаживали для звериного морского промыслу на море».³⁵

Объявляя рекрутские наборы во флот в Поморье и Западной Сибири, Петр I учитывал именно направленность на морские и речные промыслы хозяйств значительной части жителей этих регионов. Подготовить отличных матросов из таких людей было возможно в самые сжатые сроки. Это подтвердили и успешно осуществленные в суровых осенне-зимних условиях в 1713–1715 гг. плавания семи российских линейных кораблей вокруг Скандинавии: команды этих кораблей почти полностью были укомплектованы матросами из новонабранных во флот рекрутов либо солдат-поморов.

Обращенное во благо Российского государства дело — комплектование рядового состава флота — проводилось Петром I жесткими методами и тяжело отражалось на положении населения Русского Севера. В марте 1709 г. упоминавшийся князь П.А. Голицын в письме Г.И. Головкину, отмечая, что в Двинский уезд посланы указы о четвертом рекрутском наборе, сообщал, что по переписным книгам 1678 г. в нем числилось 3116 дворов, многие жители которых «ныне... разбрелись и дома свои оставили впусе, и за таким малолюдством не только... в рекруты или в работники в Санкт-Питербурх, но и... к походу неприятельскому собрать некого, понеже... трое рекрутских наборов с них взято»³⁶.

Крестьяне Мудьюжской волости, расположенной в самом устье Северной Двины, 27 августа 1714 г. написали челобитную на царское имя, в которой изложили бедственные для них последствия «матросского взятъ»³⁷. Мудьюжские поморы характеризовали свое положение так: «...У нас пахотные земли при море, против других волостей самые плохие... и по вся годы засеянной хлеб не бывает против прошлых лет в доходе: повсегда морозами убивает... от чего в нашей волости... крестьяне и голодную смертью помирают».³⁸ Всего в волости имелось 88 крестьянских, бобыльных и нищенских дворов. По набору Н.А. Сенявина в волости было взято в матросы 23 человека, но все они бежали по пути в Петербург. Местные власти учли столь неприятный итог этого опыта набора матросов-рекрутов в волости и при наборе А.И. Румянцева «вместо тех беглых взятых матросов» (то есть власти смирились со «справедливым» фактом бегства мудьюжан) предписывали набрать в волости лишь 10 рекрутов во флот. На этот раз крестьяне обратились с челобитной к вице-губернатору П.Е. Лодыженскому, с просьбой еще больше снизить количество забираемых рекрутов³⁹.

В упоминавшемся указе А.И. Румянцеву 1714 г. говорилось, что не явившиеся к нему беглые поморы матросского набора Н.А. Сенявина после поимки «кажнены будут смертью, а у кого они жили, и те лишены будут своих пожитков и сосланы на каторги»,⁴⁰ т.е. на галеры. П.Е. Лодыженский в октябре 1714 г. также распорядился объявить «всякаго чина людям при барабанной повестке» и «на Холмогорах, и в Кевроле, и Мезене, и в уездах, в селех, и в волостях, и в других удобных местех, и при церквах... листы выставить» о жестоких мерах против пойманных беглых рекрутов-матросов и их укрывателей — лишении всего имущества и ссылке на каторги «в вечную работу». Наоборот, беглецам, явившимся к властям добровольно, обещалось прощение, так же как и заявившим с мест их укрытия⁴¹.

Ганноверский дипломат Ф.Х. Вебер, пребывавший в России в 1714–1719 гг., отмечал неблагоприятные последствия рекрутских наборов во флот при Петре I для хозяйства Поморья: «Когда сообразили, что люди эти, привыкшие плавать повсюду на своих сшивных судах, легко могут выучиться плавать и на устроенных надлежащим образом кораблях, то всех их позабирали в Петербург, и добыча соли была, следовательно, брошена, поэтому-то царь и велел впоследствии закупать заграничную соль, на что должен был затрачивать ежегодно великие суммы».⁴² Ф.Х. Вебер несколько сгустил краски. По данным Архангелогородской губернской канцелярии, количество выходивших в море только из Архангельска в 1719 и 1722 гг. «староманерных» судов было немалым и постоянным: 31 карбас, 31 сойма, 4 кочмары и 2 лоды.⁴³ Соль также продолжала поступать в казну «ис Каргополя и поморских усолей»⁴⁴.

Таким образом, население Поморья и Западной Сибири сыграло значительную роль в формировании матросского состава Российского военно-морского флота как раз в те годы Великой Северной войны, когда он быстро рос. Наличие на Севере страны большого числа опытных мореходов явилось одной из существенных предпосылок становления России в качестве державы, обладавшей регулярным военно-морским флотом. Именно в Петровскую эпоху стала зарождаться традиция комплектовать флот выходцами из приморских областей страны. В 1758 г. Адмиралтейская коллегия отмечала, что для этой цели «провинции определены особливия и для морской и адмиралтейской службы способныя, яко то приморския для флота, ибо тех мест люди, по обыкновенности к морю, добрыми матросами скорее быть могут, нежели других провинций».⁴⁵ Коллегия тогда же подчеркивала, что начало этому подходу было положено Петром Великим, когда «с Архангелогородской губернии рекруты по способности ко флотской службе всегда определены к Адмиралтейству, а не в другие места»⁴⁶.

- ¹ Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.
- ² Кротов П.А. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. 1988. Т. 116. С. 314–320.
- ³ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 1. Ч. 1. С. 11 (далее – МИГО).
- ⁴ Там же. Ч. 2. С. 2, 3.
- ⁵ Белов М.И. 1) Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 202 – 203; 2) Мангазейский морской ход: Коллекция судовых частей и их графических изображений // Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1. С. 121–122.
- ⁶ Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 209.
- ⁷ Белов М.И. 1) Мангазейский морской ход... С. 116–125; 2) Арктическое мореплавание... С. 203–213.
- ⁸ Данков М.Ю. Традиции поморского судостроения и мореплавания // Россия. Север. Море: V Соловецкий форум: Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 300-летию первого приезда Петра Великого в Архангельск и основанию Соломбальской верфи (1693–1862 гг.) – колыбели Российского флота. Архангельск, 1993. Ч. 1. С. 23.
- ⁹ Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Н. Новгород, 2002. С. 99.
- ¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 140.
- ¹¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 3. С. 105 (далее – МИРФ); Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1897. Т. 5. Кн. 2. С. 714, 717 (далее – Д и П)
- ¹² Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. С. 94.
- ¹³ Научно-исторический архив С.-Петербургского Института истории РАНФ. 10. Оп. 2. Д. 265. Л. 74 об. (далее – НИА СПбИИ РАН).
- ¹⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. 2. Д. 14. Л. 461 (далее – РГАДА).
- ¹⁵ Барш Я.С. «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша // Сб. Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. Вып. 2. С. 13.
- ¹⁶ Это численность экипажа, уже уменьшившегося в итоге смертности от тяжелейших условий полярной зимовки, о чем свидетельствует наличие в его составе матросов и солдат из Колы: командир вынужден был пополнить корабельную команду.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 14. Л. 461.
- ¹⁸ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. 115.
- ¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 905. Оп. 1. Ф. 436. Л. 220–220 об. (далее – ОР РНБ); НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 84–84 об. – Письмо Петра I П.Е. Лодыженскому от 9 октября 1714 г. из Петербурга. Список.
- ²⁰ НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 27–44, 52 об.–53; МИРФ. Ч. 3. С. 105; Д и П. Т. 5. Кн. 2. С. 714.
- ²¹ Д и П. Т. 5. Кн. 2. С. 714.
- ²² НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 57 об., 58, 80, 102, 113; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 108. Л. 491.
- ²³ НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 41–44.
- ²⁴ МИРФ. Ч. 3. С. 105.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 24. Л. 543. – Ведомость при письме командовавшего эскадрой Н.А. Сенявина от 29 ноября 1715 г. из Копенгагена; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 702.
- ²⁶ НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 295. Л. 10.
- ²⁷ Барш Я.С. «Юрнал»... С. 20.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ МИРФ. Ч. 3. С. 113.
- ³⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 950. Оп. 1. Д. 7. Л. 368 об. (далее – РГАВМФ).
- ³¹ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1709 г. Д. 10. Л. 7 об.
- ³² Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 301.
- ³³ Полн. собр. законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 5. С. 176.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1722 г. Д. 22. Л. 136–136 об., 137 об.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 38. Л. 415; МИРФ. Ч. 3. С. 160.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1709 г. Д. 10. Л. 7–7 об.
- ³⁷ НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 55–55 об.

- ³⁸ Там же. Л. 55. – О доходах от морских промыслов крестьяне-поморы в челобитной не упоминали.
- ³⁹ Там же. Л. 55–55 об.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 1. Ф. 436. Л. 220 об.
- ⁴¹ НИА СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621. Л. 80–80 об.
- ⁴² Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1116.
- ⁴³ Брызгалов В.В. Перепись поморских судов в 1719 и 1722 гг. // С.Ф. Огородников и история Российского флота: Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 300-летию Российского флота и 160-летию со дня рождения С.Ф. Огородникова. Архангельск, 1996. Ч. 1. С. 26–27.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 5. Л. 587.
- ⁴⁵ МИРФ. СПб., 1883. Ч. 10. С. 472.
- ⁴⁶ Там же.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2005 г.